

**УИЛЬЯМ
ГРЕЙВС**

США ПРОТИВ
КРАСНЫХ
И БЕЛЫХ

ЛОВАКАХЪ.

РАЖДАНЕ!

American A

ВОСПОМИНАНИЯ
КОМАНДУЮЩЕГО
ЭКСПЕДИЦИОННЫМ
КОРПУСОМ

АМЕРИКАНЪ. ГРЕЙВЪ.

Владивостокъ.

**АМЕРИКАНСКАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ**

**В СИБИРИ 1918
1920**

Уильям Сидней Грейвс
Американская интервенция
в Сибири. 1918–1920.
Воспоминания командующего
экспедиционным корпусом
Серия «США против красных и белых»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32832293

Американская интервенция в Сибири. 1918–1920. Воспоминания командующего экспедиционным корпусом: Центрполиграф; Москва; 2018

ISBN 978-5-9524-5294-7

Аннотация

Командующий американским экспедиционным корпусом в Сибири во время Гражданской войны в России генерал Уильям Грейвс в своих воспоминаниях описывает обстоятельства и причины, которые заставили президента Соединенных Штатов Вильсона присоединиться к решению стран Антанты об интервенции, а также причины, которые, по его мнению, привели к ее провалу. В книге приводится множество примеров действий Англии, Франции и Японии, доказывающих, что реальные

поступки этих держав существенно расходились с заявленными целями, а также примеры, раскрывающие роль Госдепартамента и Красного Креста США во время пребывания американских войск в Сибири.

Содержание

Предисловие	6
От автора	17
Цели военной интервенции в Сибирь	21
Помощь чехам	27
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Уильям Грейвс

**Американская интервенция
в Сибири. 1918–
1920. Воспоминания
командующего
экспедиционным корпусом**

© ЗАО «Центрполиграф», 2018

* * *

Предисловие

В начале 1918 года президент Вильсон сказал мне, что его склоняют к тому, чтобы американские войска совместно с силами союзников предприняли экспедицию на север России и в Сибирь, и попросил меня подумать, что ему следует ответить французам и британцам. В качестве аргумента в пользу данного предприятия приводился тот факт, что в окрестностях Архангельска располагаются очень крупные военные склады, которые могут попасть в руки немцев, если их не защитят союзнические силы. Кроме того, значительная часть проживающих на севере России людей остается верной союзническим обязательствам и готова присоединиться к силам союзников, чтобы снова организовать Восточный фронт или по меньшей мере оттянуть на Восток существенную часть германских войск. Что же касается Сибири, одной из причин было то, что значительный контингент чешских солдат откололся от австрийской армии, воевавшей на Восточном фронте, и теперь направляется через Сибирь во Владивосток с целью перебраться из этого порта морем во Францию и снова вступить в войну на стороне союзников. Сообщалось, что эти чехи недостаточно хорошо вооружены и к тому же испытывают нехватку продовольствия, чтобы проделать такой переход, и их необходимо защитить от отрядов германских и австрийских пленных, кото-

рые после Октябрьской революции в России были выпущены из лагерей для военнопленных и теперь под командованием немецких офицеров превратились в хорошо организованные и боеспособные отряды, нацеленные на то, чтобы, захватив военные склады русских, предоставить их в распоряжение Германии и Австрии, а также преследовать русских, содействующих союзникам. Кроме того, говорилось, что жертвы, принесенные Россией во время войны, дают ее народу право на любую возможную помощь, которую союзники могли бы оказать в поддержании порядка и становлении новых общественных институтов. Это соображение уже привело к отправке в Сибирь так называемой комиссии Стивенса, призванной содействовать в восстановлении работы жизненно важных для этой территории железных дорог.

Несколько дней спустя мы с президентом обсудили этот вопрос во всей его полноте. Я высказал точку зрения своих армейских коллег, что война на Западном фронте должна быть выиграна и что для достижения максимально быстрого успеха необходимо предпринять все возможные усилия, чтобы сконцентрировать там максимальное количество войск, обеспечив численное превосходство, тогда как распределение их по нескольким театрам военных действий приведет, в лучшем случае, к отсрочке окончательной победы, не давая возможности достичь существенных результатов ни на одном из направлений. Мои доводы произвели на президента такое сильное впечатление, что он послал за начальником

штаба и обсудил с ним возможность успешного восстановления Восточного фронта и влияние предлагаемой экспедиции на боеспособность союзных армий на Западном фронте. Во время нашей третьей беседы президент сказал мне, что удовлетворен единодушием военного ведомства, однако по причинам отличным от чисто военных чувствует себя обязанным принять определенное участие в обеих экспедициях. Обстоятельства, подвигнувшие президента к такому решению, были дипломатическими, и я воздержался от их обсуждения. В то время я полагал – и не изменил мнения позже, – что ситуация, как она была ему представлена, оправдывала такое решение, однако последующие события в обоих случаях полностью подтвердили справедливость мнения Генерального штаба.

Сибирская экспедиция, описанная генерал-майором Уильямом Грейвсом, командовавшим американским экспедиционным корпусом, была наиболее важной из этих двух предприятий и почти ежедневно порождала ситуации столь же щекотливые, сколь и опасные. До определенной степени – хотя, должен признаться, далеко не полностью – мы это предвидели, и предложенное начальником штаба генералом Марчем назначение генерала Грейвса на должность командующего американским контингентом встретило мое немедленное и полное одобрение. Когда я был назначен военным министром, генерал Грейвс служил секретарем Генерального штаба, так что я находился с ним в постоянном контакте.

Благодаря этому я знал его как уверенного в себе, образованного и прекрасно подготовленного военного, обладавшего здравым смыслом, скромностью и преданностью – качествами, наиболее востребованными в тех многочисленных сложных ситуациях, которые я мог предвидеть. После завершения этого удивительного предприятия я более чем удовлетворен сделанным нами выбором американского командующего. Опрометчивый, непоследовательный офицер на посту командующего американскими силами в Сибири мог с легкостью создать ситуации, требующие несоразмерных военных усилий со стороны союзников, и особенно со стороны Соединенных Штатов, и мог доставить нашей стране самые нежелательные сложности. Возможности их возникновения встречаются едва ли не на каждой странице нижеследующего повествования.

Генерал Грейвс приводит, например, так называемые Aide Memoire, написанные президентом Вильсоном, которые, как подтверждает генерал, я собственноручно передал ему на железнодорожном вокзале Канзас-Сити. Поскольку я был прекрасно осведомлен о тех ограничениях, которые президент наложил на участие американских сил в сибирской операции, как и о причинах, по которым наше правительство решило в ней участвовать, мне не хотелось, чтобы генерал Грейвс отбыл из страны, предварительно не встретившись со мной лично. Во время этой встречи я хотел обратить его особое внимание на некоторые трудности, с которыми он может

столкнуться, и на особую твердость, которой президент ожидал от него в вопросе следования вышеозначенной политической линии. В связи с этим я предпринял инспекционную поездку в Левенвортскую военную тюрьму и отправил генералу Грейвсу приказ встретиться со мной в Канзас-Сити, что позволяло ему избежать задержки в приготовлениях к отъезду, которые бы непременно возникли, если бы ему пришлось приезжать ко мне в Вашингтон. К несчастью, его поезд опоздал, и наша встреча оказалась короче, чем я планировал, однако и этого времени хватило. С того дня и до возвращения Сибирской экспедиции назад в Соединенные Штаты генерал Грейвс неукоснительно следовал политике правительства, невзирая на сложные и зачастую возмутительные обстоятельства. В Вашингтоне мне нередко приходилось слышать от военных атташе союзников, а иногда и от Государственного департамента критические замечания в отношении генерала Грейвса и обвинения в нежелании сотрудничать. Однако когда я просил предоставить мне подробную информацию, неизменно убеждался в том, что приписываемые генералу неудачи не что иное, как его отказ отступить от буквы и духа данных ему предписаний. В июне 1919 года я встретился с президентом Вильсоном в Париже, и он рассказал мне о представлениях, сделанных ему со стороны Франции и Британии, в которых они сетовали на упрямство генерала Грейвса, его тяжелый характер и неспособность к сотрудничеству. Однако когда я напомнил президенту поли-

тическую линию, изложенную в его Aide Memoire, и посвятил в детали аналогичных жалоб, поступавших ко мне в Вашингтоне, мне удалось убедить его в том, что генерал Грейвс полностью верен его политике перед лицом желания части союзного командования превратить Сибирскую экспедицию в военную интервенцию и вмешательство во внутренние дела России, против чего президент возражал с самого начала. В завершение нашей встречи президент улыбнулся и сказал: «Полагаю, это старая история, Бейкер. Люди часто получают репутацию упрямец только потому, что постоянно оказываются правы». Так или иначе, но и в то время, и потом президент полностью одобрял поведение генерала Грейвса. И если на поверку Сибирская экспедиция оказалась неоправданной, если в результате не удалось достичь существенных результатов – как оно и было в действительности, – то это объясняется сложившимися в то время условиями. Она не превратилась в военную авантюру и, удержав от подобных авантур других, создала условия, которые сделали необходимым вывод союзных сил с территории Сибири, тем самым не допустив завоевание и присоединение русской земли другими странами, чьи интересы на Дальнем Востоке могли с легкостью привести к нарушению перемирия и, в конечном счете, к установлению постоянной колониальной администрации на огромной территории российского Дальнего Востока.

Если отвлечься от ее последствий для всего мира, Сибирская экспедиция остается загадочным предприятием. В са-

мом деле, даже сам генерал Грейвс «...никогда не мог прийти к какому-либо удовлетворительному заключению насчет того, почему Соединенные Штаты вообще приняли участие в этой интервенции». Однако если посмотреть на ситуацию в мире, можно найти адекватное, хотя и непростое объяснение. В мире шла война. Наиболее страшные военные столкновения были сосредоточены на Западном фронте от Ла-Манша до швейцарской границы, но эхо этого конфликта затронуло весь мир, и повсюду, то в одном, то в другом месте затевались странные побочные авантюры. Все эти «побочные явления» были в той или иной степени периферийными отголосками глубочайшего потрясения центральной нервной системы планеты. Некоторые из них тщательно планировались, чтобы отвлечь силы противника или подорвать его ресурсы. Некоторые были предприняты для поддержания духа союзников на фоне затянувшейся патовой ситуации на Западном фронте и несли на себе оттенок романтики, как, например, взятие Иерусалима фельдмаршалом Алленби и изгнание неверных из святых мест Палестины. Некоторые явились следствием выброса подавляемых настроений отсталых народов на фоне ослабления их сдерживания колониальными властями, все усилия которых сосредоточились на боях в Европе и которые не имели ни времени, ни сил для поддержания своей власти на удаленных территориях. Успех революций в России привел к утрате Москвой реальной власти на Дальнем Востоке и развязал руки хищным амбициям

таких казачьих атаманов, как Семенов и Калмыков. Просторы Сибири на протяжении долгого времени являлись ареной коммерческих и военных авантюр и конфликтов между немцами, англичанами, французами и японцами. Сама же Сибирь была населена частично полудикими народами, частично политическими ссыльными, к которым теперь добавилось большое число освобожденных военнопленных. Меняющаяся власть в Москве меняла свое отношение к мировой войне и участию в ней России, и эти противоположные мнения, с трудом понимаемые в далекой Сибири, затуманивали и без того смутное представление о национальных интересах России. На Западном фронте нации были привержены одним доминирующим стремлениям, но в таких местах, как Сибирь, это понимание и напряжение отсутствовало. Сибирь оказалась в том же положении, что и сержант Гриша, не имевший представления, зачем все это, но понимавший, что старый мир пришел в какой-то непонятный всеобщий беспорядок.

В условиях, которые описаны выше, военная интервенция союзников уже не кажется такой противоестественной, учитывая сложности, присущие подобным ситуациям. Заинтересованные нации без труда обнаружили, что меняющиеся день ото дня обстоятельства предполагают, если не требуют, изменений в их политике. Большинство наций, имевших войска в Сибири, были слишком заняты тем, что происходило у них дома, чтобы уделять много внимания тому, что

происходит вокруг Байкала. Неудивительно, что, как следствие, их военные командиры получили большую свободу в решении политических вопросов, и у генерала Юи или генерала Нокса возникло ощущение, что, воспользовавшись новым поворотом событий, они смогут сделать большой скачок в достижении целей союзников и параллельно с этим удовлетворить коммерческие и территориальные пожелания своих правительств, как они их понимали. В книге генерала Грейвса приведены доказательства того, что время от времени сходные идеи пускали корни в умах некоторых официальных лиц и в Соединенных Штатах. Я не могу догадаться, как объяснить очевидный конфликт, возникший между военным министерством и Государственным департаментом США в отношении сибирской операции, как не могу понять, почему Государственный департамент предпринял попытки – и временами преуспевал в этом – внушить свои идеи в отношении политики в Сибири непосредственно генералу Грейвсу. Возможно, на Государственный департамент произвели большее, чем на меня, впечатление определенные взгляды союзников в отношении расширения сотрудничества за пределы того, что было указано в Aide Memoire. Возможно, некоторые из этих суждений были просто отражением недовольства союзников тем, на что они могли рассчитывать. Однако они не были предварительно представлены государственному секретарю и не рассматривались им как то, что могло бы повлиять на четко сформулированную линию

поведения Соединенных Штатов в Сибирской экспедиции. Несомненно, в один прекрасный день все это будет тщательно изучено, и пытливый исследователь найдет документы, записки и отчеты о беседах, в которых предлагалось изменить курс, основываясь на каких-то новых фактах, но, даже когда все они будут открыты, Сибирь останется сержантом Гришей. Ситуация, сложившаяся в Сибири, навсегда останется иллюстрацией странностей, порожденных на периферии тем безумием, которое господствовало в центре воюющего мира.

Тем не менее я не могу закончить это предисловие, не выразив, в меру своей возможности, благодарность от лица всей нашей страны тем солдатам, которые мужественно и безропотно несли в том далеком и загадочном краю возложенную на них страной службу. Даже воины Демократии не всегда могут понять причины, стоящие за спиной определенных стратегических решений. Политические и военные решения принимаются в кабинетах и генеральных штабах, а солдаты выполняют приказы. Поэтому те, кто оказался на берегах Белого и Желтого морей, несли свою службу точно так же, как те, кто был на Марне и в Маасе. И если окажется, что кому-то понадобятся подробности, оправдывающие Сибирскую экспедицию с точки зрения национальных интересов, они могут, хотя бы отчасти, найти удовлетворение в сознании того, что американские войска в Сибири вели себя храбро и гуманно. Что они выполняли приказы команди-

ра, который действовал, руководствуясь высоким желанием своей страны оказать стабилизирующее и благотворное влияние на огромную территорию, населенную сбитыми с толку, но дружелюбными людьми. Также я полагаю, они могут быть уверены, что история найдет свои плюсы в том, что может расцениваться как неудачный исход американской интервенции в Сибири, ведь если бы не присутствие американских солдат в составе союзнических сил, могли случиться вещи, которые еще больше осложнили бы ситуацию в России и серьезно повлияли на будущее всего мира.

Ньютон Д. Бейкер

От автора

Трудно писать и даже говорить о России, чтобы не быть обвиненным в сочувствии советской власти. Однако во время моей службы в Сибири российский Дальний Восток был полностью отрезан от остальной части России, контролируемой советским правительством. Таким образом, я не имел никаких дел ни с советским правительством, ни с какими-либо лицами, называющими себя его представителями.

Единственная власть, с которой я контактировал за все время службы в Сибири, – это правительство Колчака, если его можно назвать правительством. Я сомневаюсь, что без поддержки иностранных войск Колчак и его правительство смогло бы иметь достаточно сил, чтобы выступать в качестве суверенной власти. В договоре, известном как Межсоюзническое железнодорожное соглашение, касавшемся обслуживания и эксплуатации железных дорог в Сибири, все нации, имевшие там свои войска, признавали Колчака представителем России, и это наивысшая степень признания, которой когда-либо удавалось добиться его правительству. Ни одно государство никогда не признавало Колчака главой какого-либо существовавшего де-факто или де-юре правительства России.

Основная причина того, что я решил вспомнить факты и обстоятельства, связанные с интервенцией, заключается в

уверенности, что не только в Соединенных Штатах, но и повсеместно существует ошибочное впечатление в отношении предписаний, на основании которых действовали американские войска в Сибири. Другой причиной стал тот факт, что английский полковник Джон Ворд написал книгу, которая создает – и, по моему мнению, делает это намеренно – неверное впечатление относительно поведения и верности своему долгу американских войск, находившихся в Сибири. Эту книгу можно найти в американских библиотеках, и я не думаю, что будет правильно по отношению к тем американцам, которыми я имел честь командовать, если эти несправедливые выводы останутся потомкам без опровержения.

При написании этой книги я не ставил перед собой цели оправдать какие-либо свои действия или действия американских войск в Сибири, поскольку военный министр, стопочтенный Ньютон Д. Бейкер и начальник Генштаба, генерал Пейтон С. Марч, занимавшие свои посты весь тот период, когда американские войска находились в Сибири, как показано ниже, сделали любое оправдание излишним, дав действиям американских войск свое великодушное и всеобъемлющее одобрение. От военного министра я получил следующее личное письмо, датированное 31 августа 1920 года:

«Я только что закончил читать ваш подробный отчет от 26 мая, относительно операций американских экспедиционных войск в Сибири с 1 июля 1919 года по 31 марта 1920

года. Сибирская экспедиция полностью завершена, и теперь, когда ее последний акт стал предметом отчета, я с удовольствием поздравляю вас с тем, что на посту командующего экспедицией вам неизменно удавалось действовать с таким тактом, энергией и успехом.

Данные вам предписания соответствовали целям, изложенным в Aide Memoire, выпущенным Государственным департаментом, чтобы объявить всему миру задачи и условия использования американских войск в Сибири. В сложившейся неоднозначной ситуации ваши обязанности были зачастую весьма сложными и деликатными, и благодаря удаленности вашего поля деятельности от Соединенных Штатов вы могли рассчитывать только на собственные ресурсы и инициативы. Если же учесть сложности с коммуникациями, обеспечением гласности и в особенности предвзятой интерпретацией положения дел в Сибири и действий вашей команды, ситуация еще больше усложнялась.

Вам будет приятно узнать, что военное министерство с самого начала с полным доверием полагалось на ваши оценки, и я счастлив вас заверить, что сейчас ваши действия на протяжении всего времени экспедиции одобряются министерством».

В своем докладе военному министру за финансовый год, закончившийся 30 июня 1920 года, начальник штаба писал в отношении Сибирской экспедиции: «Ситуация, с которой

столкнулись командующий, его офицеры и солдаты, оказалась на удивление сложной и рискованной. То, как он выполнил свою трудную задачу, достойно самых лучших традиций нашей армии».

Уильям С. Грейвс

Цели военной интервенции в Сибирь

6 апреля 1917 года, в день, когда Соединенные Штаты вступили в мировую войну, я служил в военном министерстве в качестве секретаря Генерального штаба. Я был подполковником Генерального штаба и его секретарем начиная с августа 1914 года. До этого я был секретарем с января 1911 года по июль 1912 года.

Так же как все остальные офицеры военного министерства, я надеялся, что меня освободят от текущих обязанностей и направят служить во Францию, но начальник Генштаба генерал-майор Нью Л. Скотт отклонил мою просьбу. 22 сентября 1917 года генерал Скотт достиг возраста, когда по закону должен был уйти в отставку, и его место занял генерал Таскер Х. Блисс, который до этого служил заместителем начальника Генштаба. Генерал Блисс ушел в отставку 31 декабря 1917 года, и вскоре начальником стал генерал-майор Пейтон С. Марч. О своем назначении он узнал, находясь во Франции, и приступил к исполнению своих новых обязанностей 1 марта 1918 года.

По приезде в Соединенные Штаты генерал Марч сообщил мне, что хочет, чтобы я продолжал выполнять свои текущие обязанности еще около четырех месяцев, после чего он на-

мерен разрешить мне отправиться во Францию. Однако в мае 1918 года он сказал: «Если кто-то и должен ехать в Россию, так это вы». Это замечание весьма удивило меня, но, поскольку оно было высказано как предположение, я не стал его комментировать, понимая, что генерал Марч прекрасно осведомлен о моем желании служить в Европе и о том, что каждую возможность, которую давали мне текущие служебные обязанности, я посвящал изучению условий и военных операций во Франции. Я даже не думал о том, что американские войска могут быть направлены в Сибирь, и замечанию генерала Марча не придал большого значения, поскольку не предполагал, что кому-то действительно придется туда отправиться.

В конце июня 1918 года генерал Марч сообщил, что меня намерены сделать генерал-майором национальной армии, после чего назначат командиром одной из дивизий, находящейся в Соединенных Штатах и оставшейся без постоянного командира. Это вселило в меня уверенность в том, что от идеи отправки войск в Сибирь отказались или что меня туда определенно не пошлют. На следующее утро я сказал генералу, что хотел бы командовать 8-й дивизией, расквартированной в Кэмп-Фремонте, Поло-Альто, Калифорния. Он согласился, и вскоре моя кандидатура была представлена в сенат на утверждение в чине генерал-майора национальной армии. 9 июля 1918 года меня утвердили, после чего я немедленно сообщил генералу Марчу, что хочу отбыть в свою дивизию,

и 13 июля уехал из Вашингтона. 18 июля 1918 года я вступил в должность командира 8-й дивизии и приступил к исполнению своих новых обязанностей. Я был очень доволен и счастлив, когда узнал, что в октябре 8-ю дивизию решено отправить во Францию.

2 августа 1918 года после полудня начальник моего штаба сообщил, что из Вашингтона получено зашифрованное сообщение и его первая фраза гласит: «Вы не должны передавать никому из своих сотрудников или кому-то еще содержание данного сообщения». Я спросил начальника штаба, кто подписал сообщение, и он ответил «Маршалл». Тогда я сказал, что Маршалл не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к нему, и велел заместителю начальника штаба расшифровать сообщение. В нем мне приказывали «сесть на ближайший и самый быстрый поезд до Сан-Франциско и ехать в Канзас-Сити, где направиться в отель «Балтимор» и спросить военного министра. Если его там не окажется, то ожидать его приезда». Эта телеграмма показалась мне одной из самых странных депеш, которые когда-либо отправляло военное министерство, и если только подпись Маршалл не была поставлена ошибочно вместо Марч, то я бы оказался поставленным в сомнительное положение офицера, который либо не подчинится приказу, либо оставит часть, не сказав никому о том, кто дал ему это право и куда он направляется.

В телеграмме не сообщалось ни зачем меня вызывают в Канзас-Сити, ни сколько времени я буду отсутствовать, и во-

обще вернуться ли назад. В то же время такая информация могла существенно повлиять на то, как мне готовиться к отъезду. Я не знал, что должен взять из одежды, и сомневался, не означает ли данный приказ безвозвратное изменение моего положения. Посмотрев расписание, я увидел, что поезд до Санта-Фе отправляется из Сан-Франциско через два часа, поэтому, сложив немного вещей в дорожную сумку и еще кое-что в небольшой чемодан, отправился в Сан-Франциско. Я успел на поезд, но не смог купить билет в спальный вагон. По пути в Канзас-Сити я телеграфировал военному министру мистеру Бейкеру в отель «Балтимор», сообщая, с каким поездом прибуду. В пути я пытался представить себе, о какой секретной миссии может идти речь, и со страхом думал, что это касается Сибири, хотя в прессе не видел ничего о том, что Соединенные Штаты намерены отправить войска в Россию.

В 10 часов утра, когда я прибыл в Канзас-Сити, меня встретил служащий, сказавший, что мистер Бейкер ожидает меня в зале вокзала. Поскольку до отхода его поезда оставалось совсем немного времени, мистер Бейкер сразу же сообщил, что, к сожалению, должен отправить меня в Сибирь. С присущим ему великодушием он выразил свои сожаления и сказал, что знает о моем нежелании ехать и что, возможно, когда-нибудь он расскажет, почему я должен это сделать. Кроме того, ему хотелось, чтобы я знал, что генерал Марч пытался избавить меня от отправки в Сибирь и хотел отпра-

вить во Францию. Он сказал: «Если в будущем вам захочется проклясть того, кто послал вас в Сибирь, знайте, что это сделал я». Потом он вручил мне запечатанный конверт со словами: «Здесь изложена линия поведения Соединенных Штатов в России, которой вы должны следовать. Взвешивайте каждый шаг, потому что вам придется ходить по минному полю. До свидания, и храни вас Господь».

Как только добрался до отеля, я вскрыл конверт и увидел внутри семь страниц, озаглавленных «Aide Memoire» без указания авторства, однако в конце значилось «Государственный департамент, Вашингтон, 17 июля 1918 года». После того как я тщательно изучил документ и почувствовал, что понял предписанную линию поведения, я лег спать, но не мог заснуть, продолжая размышлять, как действуют другие нации и почему меня не проинформировали о том, что происходит в Сибири. На следующий день я прочел документ еще несколько раз, чтобы проанализировать и понять значение каждой фразы. Я почувствовал, что никаких различий в понимании линии поведения Соединенных Штатов быть не может и что я не нуждаюсь ни в каких дальнейших разъяснениях. Предписанная мне линия поведения выглядела следующим образом:

«Aide Memoire

Народ Соединенных Штатов всем сердцем желает выиграть эту войну. Руководящий принцип правительства Соединенных Штатов состоит в том, чтобы делать все необхо-

димое и действенное, чтобы ее выиграть. Оно желает любыми возможными способами сотрудничать с правительствами союзников и будет охотно делать это, поскольку не преследует каких-то собственных целей и полагает, что война может быть выиграна только сообща и при тесном согласовании принципов действий. Оно готово изучить все возможные стратегии и действия, в которых союзники желали бы воплотить дух этого сотрудничества, и с уверенностью пришло к заключению, что, если оно сочтет себя обязанным отказаться от участия в каких-то предприятиях или действиях, следует понимать, что это делается только потому, что оно считает необходимым воспрепятствовать этим планам и действиям».

Помощь чехам

3 августа 1918 года военное министерство телеграфировало командующему войсками на Филиппинах о необходимости с первым же доступным транспортом Соединенных Штатов отправить в Сибирь следующие военные подразделения: 27-й и 31-й пехотные полки, один полевой госпиталь, одну санитарную роту и роту «D» 53-го батальона связи, снабдив их обмундированием для зимы, насколько это возможно. Необходимое продовольствие и другие припасы предполагалось взять со складов в Маниле, пока не будут налажены прямые поставки всего необходимого во Владивосток из Сан-Франциско.

Меня проинформировали об этих распоряжениях и в тот же день приказали направить из Кэмп-Фремонта во Владивосток пять тысяч человек из 8-й дивизии. Для отбора людей мне были даны следующие инструкции: «Военнослужащие должны быть сильными и выносливыми, пригодными для несения данной службы, и быть выходцами из разных частей Соединенных Штатов. При отборе желательно избежать преобладания среди них уроженцев штатов, расположенных на Тихоокеанском побережье».

Эти люди должны были пополнить два полка с Филиппин, чтобы усилить их боеспособность. Мне давались полномочия переговорить с командующим войсками на Филиппинах

в отношении отбора офицеров для моего штаба или при желании набрать штабных из Кэмп-Фремонта.

Меня очень беспокоил вопрос с обмундированием и продовольствием. Я ничего не знал о том, какие конкретно задачи придется выполнять этим войскам. Я ничего не знал о том, в каких помещениях – если они вообще будут – я смогу разместить людей по прибытии в Сибирь. Вдобавок Сибирь представлялась мне холодной, бесплодной и необитаемой территорией.

К тому времени, когда я вернулся из Канзас-Сити, бригадный генерал Дж. Д. Лейтч, командовавший Кэмп-Фремонтом, получил приказы в отношении переброски войск и уже начал энергичную подготовку к их отправке. Все, что мне оставалось сделать в этом отношении, – это проследить за ней и подготовиться самому, и 11 августа 1918 года я известил военное министерство о том, что к началу экспедиции все готово.

После того как я переговорил с генералом С. А. Деволом, отвечавшим в Сан-Франциско за работу службы снабжения, я телеграфировал военному министерству о просьбе предоставить мне полномочия напрямую обращаться к нему по поводу поставок. Военное министерство согласилось с моей просьбой, и это исключило необходимость обращаться в службу снабжения в Вашингтоне, которая, естественно, была занята снабжением американских войск во Франции. Позже я был очень благодарен за это решение, поскольку оно поз-

волило напрямую вести дела, касавшиеся поставок.

Здесь я хотел бы выразить благодарность от всей своей команды и от себя лично миссис Стерн из Менло-Парк, Калифорния, за все отправленные нам продукты, в том числе фрукты и сладости, а также множество других, которые могла выбрать только умная, понимающая женщина. Благодаря ее доброте на Рождество каждый солдат получил два апельсина, что в далекой Сибири было невероятным лакомством, которое каждый из нас всегда будет вспоминать с благодарностью.

13 августа военное министерство дало мне и моим людям разрешение отплыть из Сан-Франциско на транспортном корабле «Томас», который мог вместить 40 офицеров и 1889 солдат-срочников. 14 августа мы покинули Кэмп-Фремон на двух специальных поездах, отправлявшихся в 12:30 и в 12:35 дня, и в 14:30 погрузились на корабль. Однако администрация порта не позволяла нам отплыть до темноты, и мы вышли из порта в 20:30. Тем не менее одно из правительственных агентств, очевидно, сочло, что мир должен знать о переброске американских солдат, и распорядилось направить на «Томас» прожектор, остававшийся включенным до тех пор, пока не прошли Золотые Ворота. С целью защиты от немецких подводок или по каким-то другим, неизвестным мне причинам нас сопровождал старый американский военный корабль «Орегон» и канонерская лодка «Виксбург». Транспортник «Томас» не мог похвастаться высокой скоро-

стью, но он определенно был быстрее «Орегона» и «Виксбурга». Мне не сообщили, как долго мы будем под защитой этих военных судов, но 15 августа после полудня я почувствовал легкое нетерпение из-за необходимости останавливаться, чтобы дождаться своего эскорта, поэтому приказал попрощаться с ним и дать полный вперед в направлении Владивостока.

Поскольку одной из основных заявленных целей отправки войск в Сибирь было «помочь чехословакам объединить их силы и наладить эффективное взаимодействие с их славянскими братьями», интересно проанализировать ситуацию, в которой оказались чехи в то время, когда я получил свой приказ, а именно 17 июля 1918 года. Необходимо помнить, что основной причиной, выдвинутой теми, кто был заинтересован в военной интервенции в Сибирь, назвалась острая необходимость защитить чехов, намеревавшихся добраться через Сибирь до Владивостока, а оттуда до Западного фронта, где они смогли бы воевать на стороне союзников.

26 апреля 1918 года мистер Джон Ф. Стивенс, возглавлявший Русскую железнодорожную комиссию, получил из Госдепартамента телеграмму следующего содержания: «Посол (мистер Френсис), находящийся в Вологде, рекомендует, чтобы Эмерсон незамедлительно отправился в Вологду в сопровождении группы из двух – пяти инженеров и обсудил транспортировку... Министерство согласно».

Эмерсон, который имелся в виду, это полковник Джордж

Х. Эмерсон – первый заместитель мистера Стивенса в Российском железнодорожном корпусе корпорации обслуживания железных дорог, которая будет упоминаться в следующих главах.

Полковник Эмерсон и его группа выехали из Харбина во Владивосток 4 мая 1918 года, чтобы подготовиться к переезду. 6-го он сообщил о полученных им приказах американскому консулу во Владивостоке и адмиралу Остину М. Найту, командующему азиатским флотом. Оба, и мистер Колдуэлл, и адмирал Найт, заявили, что им не известно ни о каких распоряжениях по поводу поезда для полковника Эмерсона, и предположили, что поскольку во Владивостоке они не имеют никаких дел с Советом, который в то время выступал от лица правительства, то по поводу транспортировки полковнику Эмерсону следует обратиться напрямую к местным властям. Тогда я впервые получил свидетельства того, что представителям Соединенных Штатов дали инструкции не иметь дела с Советами, естественно предположив, что американский консул во Владивостоке действует согласно указаниям своего правительства.

9 мая полковник Эмерсон встретился с представителями Совета на железной дороге и проинформировал их о том, что получил приказ ехать в Вологду. Он попросил их выделить ему необходимое для этого транспортное средство. Железнодорожные служащие сказали, что немедленно примут меры, необходимые для того, чтобы полковник с группой мог

выехать. Однако позже представители Советов заявили, что, как выяснилось, они не в состоянии в ближайшее время выполнить срочные работы, необходимые для транспортировки, и надеются на помощь Америки, поскольку у них нет людей, способных должным образом организовать работу и руководить ею.

В то же время полковник Эмерсон сообщил, что обнаружил во Владивостоке «большое число чешских солдат 5-го и 8-го полков и получил информацию о том, что в бараках размещены около восьми тысяч человек».

Представители Китайско-Восточной железной дороги во Владивостоке отказались сотрудничать по вопросу транспортировки и решительно заявили, что ни один из их составов не может быть использован. Полковник Эмерсон уведомил об этом советских представителей, и у них возникли трудности с тем, чтобы предоставить ему необходимый состав. В конце концов советские железнодорожники переоборудовали для полковника Эмерсона служебный вагон поезда «Амур» № 1, которым пользовались сами, а себе оставили международный спальный вагон № 2036. Позже полковник Эмерсон заявил, что у Советов возникли трудности с предоставлением вагона с работающей кухней, и, в конце концов, они сказали, что если он доедет в китайско-восточном вагоне № 2015 до Никольска или Хабаровска, то они, Советы, телеграфируют вперед, чтобы туда доставили вагон-ресторан, а вагон № 2015 вернули. В результате Советы сформирова-

ли специальный поезд, и полковник Эмерсон с группой выехал из Владивостока 19 мая 1918 года. Этот поезд прибыл в Хабаровск 20-го в 9 утра, но представитель Китайско-Восточной дороги сообщил полковнику, что у них нет для него вагона-ресторана и что вагон № 2015 должен остаться в Хабаровске. Тем же утром в 10:30 посыльный советского комиссара привез полковнику письмо от комиссара с просьбой заехать к нему в комиссариат, для чего за ним был послан автомобиль.

Приехав в комиссариат, полковник Эмерсон обнаружил, что комиссар почти без акцента говорит по-английски. Когда он выразил свое удивление тем, что советский чиновник из сибирской глубинки так хорошо знает английский язык, комиссар ответил: «Достаточно двух месяцев, чтобы скверный адвокат из Чикаго стал комиссаром в Восточной Сибири».

Полковник Эмерсон сообщил комиссару о приказах, которые были ему даны, и его заверили, что вопрос будет решен. Позже так и случилось, и следующим утром с рассветом поезд продолжил движение с вагоном № 2015. Полковник Эмерсон просил, чтобы его поезд двигался только в дневное время и он мог осмотреть железнодорожное полотно, и советские служащие удовлетворили эту просьбу.

Специальный поезд прибыл в Иркутск 26 мая около 13:00. Там полковник Эмерсон обнаружил американского генерального консула мистера Харриса, который находился в городе в течение двух недель, и мистера Макговэна, американ-

ского консула, который сообщил мистеру Френсису в Вологде об имеющихся у него свидетельствах активности немцев с целью организовать и вооружить немецких военнопленных, о чем упоминалось выше.

Полковник Эмерсон утверждал, что советские представители встретили его поезд, чтобы удостовериться, что все его пожелания удовлетворены. Им было сказано, что он хотел бы двигаться как можно быстрее, поэтому они немедленно сделали необходимые распоряжения, и в 14:00 полковник уехал. Вечером 27 мая он прибыл в Красноярск, но начальник вокзала сказал, что «впереди на дороге возникли проблемы, и вы не можете продолжать движение». Полковник разыскал американского вице-консула, который познакомил его с председателем Совета, и тот проинформировал Эмерсона, что в трехстах верстах к западу, в Мариинске, чехи ведут бой и что он послал туда тысячу бойцов регулярной Красной армии, чтобы попытаться заключить мир. Он хотел, чтобы чехи без дальнейших проблем добрались до Владивостока. Полковник Эмерсон предложил ему, чтобы он и майор армии США Слотер выступили посредниками. Предложение было принято, и председатель Совета согласился послать офицеру, командовавшему чешскими подразделениями в Мариинске, телеграмму за подписью майора Слотера с просьбой, чтобы чехи прекратили боевые действия до тех пор, пока не переговорят с полковником Эмерсоном. Поезд полковника Эмерсона продолжил движение в Мариинск и

примерно в двадцати километрах оттуда обнаружил штабквартиру русских войск. Русский командир сказал, что проблема возникла по вине чехов и что русские потребуют, чтобы чехи разоружились, прежде чем им будет разрешено двинуться дальше на восток. Кроме того, для согласования дальнейшего продвижения чехов русские выдвинули следующие дополнительные условия:

1. Русские разрешают чехам ехать до Владивостока в качестве частных лиц и без оружия.
2. Чехи обещают, что не станут ни прямым, ни косвенным образом вмешиваться во внутренние дела России.
3. Чехи и русские создадут комиссию для расследования инцидента в Мариинске с целью наказания зачинщиков.
4. Во Владивостоке русские вернут чехам всю принадлежавшую им иностранную амуницию, которую у них отобрали.

Для обеспечения их безопасности российские власти согласились выделить охрану поездов с чехами на пути их следования во Владивосток. Полковник Эмерсон и его группа выехали из русского штаба в Мариинске, чтобы провести переговоры с чехами. Ниже приведена выписка из стенограммы отчета об этих переговорах: «Переговоры проходили между полковником Эмерсоном и капитаном Е. Б. Кадлецом 19 мая 1918 года в Сибири, в Мариинске, и касались захвата Мариинска чешскими солдатами. Полковник Эмерсон предложил свои услуги в качестве посредника для уре-

гулирования вышеуказанного конфликта. Капитан Кадлец поблагодарил его, однако в своем очень кратком заявлении объяснил, что они, определенно, не намерены сдавать оружие. Полковник Эмерсон спросил, не возникало ли у них каких-то проблем во время перехода с территории Южной России до Мариинска. Капитан Кадлец ответил, что с тех пор, как они выехали с территории Южной России, немцы не причиняли им никакого непосредственного беспокойства, но высказал опасения, что под влиянием немцев они могут быть захвачены. Полковник Эмерсон сообщил, что во Владивостоке находится 12 тысяч чехов и еще более 3 тысяч следуют из Мариинска во Владивосток, и все они заявляют, что на российской территории не подвергались никаким нападениям. Капитан Кадлец признал, что он и другие командиры поездов получили из Пензы приказ остановиться там, где этот приказ их застанет, и занять близлежащие города; что их действия согласованы и тот, кто руководит этими действиями, в настоящее время находится в Ново-Николаевске. Командиры поездов должны оставаться в городах до получения дальнейших указаний. Капитан Кадлец предложил полковнику Эмерсону отправиться в Ново-Николаевск и обсудить вопрос с их лидером, генералом Гайдой, и заявил, что все их действия согласованы и в назначенное время всем командирам поездов было предписано занять населенные пункты. Капитан Кадлец согласился позволить поезду полковника Эмерсона проследовать в Ново-Николаевск,

чтобы он мог проконсультироваться с Гайдой, но в случае, если в течение трех дней к нему не вернется посыльный, он возобновит военные действия».

Полковник Эмерсон не поехал на встречу с Гайдой, а вернулся в советский штаб и доложил о результатах своих переговоров. Председатель Совета очень возмутился и сказал: «Благодаря совместным действиям с чешскими войсками Франция в двадцать четыре часа захватила Сибирь».

Почувствовав, что никто, кроме французов, не сможет договориться с чехами, полковник Эмесон решил сделать попытку обратиться к французскому консулу или военному атташе в Иркутске. Он телеграфировал генеральному консулу Харрису и попросил его использовать свое влияние для достижения результата и таким образом не допустить, чтобы железная дорога оказалась выведенной из строя. 30 мая 1918 года полковник Эмерсон и майор армии США Слотер отправили телеграмму генеральному консулу Харрису в Иркутск и американскому консулу в Харбине для мистера Стивенса, где в числе прочего писали следующее: «Чешский командир, участвовавший в переговорах в Мариинске, категорически заявил, что они не станут сдавать оружие и боеприпасы. Он признал, что их передвижения были согласованным действием чешских войск в Сибири и европейской части России, и они получили приказ занимать города, находящиеся поблизости от их местонахождения».

31 мая генеральный консул Харрис телеграфировал из

Иркутска: «У меня есть следующее предложение, с которым согласен генеральный консул Франции. Я предлагаю Советам в Красноярске и в других городах к западу от него разрешить чешским поездам продолжить движение в Иркутск, где генеральный консул Франции и я встретим чешского делегата с белым флагом, после чего по договоренности между чехами и Советами три чешских поезда отправятся во Владивосток, имея для охраны тридцать винтовок на каждый поезд».

Речь идет о тех чехах, которые, по словам генерала Гайды, покинули Иркутск и будут наказаны, как только он сможет с ними связаться.

31 мая генеральный консул Харрис телеграфировал полковнику Эмерсону, что на вокзале в Иркутске завязался бой между чехами и красноармейцами, а два других чешских поезда, в которых ехали около тысячи чешских солдат, прибыли на ближайшую станцию к западу от Иркутска, где также вступили в бой. После этих столкновений генеральному консулу Харрису и французскому консулу удалось добиться разоружения чехов и отправить их на восток. Поезда следовали в сопровождении советских представителей и имели по тридцать винтовок на каждый эшелон. Генеральный консул Харрис взял с русских обещание беспрепятственно пропустить чехов на восток. Представители советских властей задали вопрос, почему чехов не вывозят из Владивостока. Им ответили, что «мы не имеем соответству-

ющих транспортных средств».

Если союзники действительно собирались переправить чехов на Западный фронт во Францию, то кажется странным, что они не подготовили никаких судов для перевозки их из Владивостока. Я однозначно придерживаюсь мнения, что на 28 мая 1918 года они не имели намерения отправлять чехов на Западный фронт. Я не могу сказать точно, когда было принято такое решение, но по меньшей мере двумя месяцами и шестью днями раньше я получил предписание, где содержалась следующая фраза: «Имеется срочная и обоснованная необходимость оказать помощь чехословакам». Все иностранные представители были проинформированы об этом намерении в отношении чехов в течение следующего месяца.

Естественно, что в то время, о котором идет речь, между чехами и русскими возникло напряжение. Чехи двигались по незнакомой стране, где атмосферу определяли слухи о кознях и заговорах. Советы не только беспокоили намерения чехов в Сибири, но они, безусловно, чувствовали, что передвижение по стране вооруженных иностранных войск было бы унижительно для их достоинства и нарушало их суверенные права. Полковник Эмерсон был озабочен не только необходимостью добраться до Вологды, находящейся в европейской части России, его волновало, чтобы Транссибирская железная дорога не оказалась выведена из строя. Для того чтобы реализовать свои чаяния, он сказал генералу Гай-

де, что, ввязавшись в военные столкновения, чехи ничего не выиграют, если они действительно хотят добраться до Владивостока. Генерал Гайда заявил, что, как только к власти придет новое правительство, оно остановит Советы и снимет беспокойство по поводу возможного разрушения мостов и тоннелей.

Капитан Кадлец, участвовавший в переговорах полковника Эмерсона и Гайды, заявил по поводу нового правительства следующее: «Теперь, когда сформировано новое правительство, оно сделает возможным наше продвижение вперед». Полковник Эмерсон ответил: «Независимо от того, какое бы новое правительство ни было сформировано, вы должны признать, что на данный момент власть находится в руках Советов. И они, несомненно, в состоянии заблокировать ваше движение во Владивосток». Гайда возразил: «В течение десяти дней в Иркутске может быть установлена другая власть». Гайда также заявил, что те населенные пункты, которые они заняли, перешли в подчинение новому правительству и они могут воспользоваться имеющимися винтовками, чтобы оказать ему помощь.

Это ясно указывало на то, что чехи участвовали в ликвидации советской власти в этих населенных пунктах и устанавливали там власть «нового правительства», которое часто упоминалось на этих переговорах.

1 или 2 июня генеральный консул Франции отправил Гайде из Читы следующее послание: «Эшелонам 7-го полка.

Советское правительство предлагает любое содействие, для обеспечения вашего проезда. Не позволяйте, чтобы вас втянули во внутреннюю политическую борьбу». Очевидно, что этот французский представитель не был проинформирован о планах французов.

4 июня он писал американскому консулу Томасу, находившемуся в поезде полковника Эмерсона: «Есть ли у генерала Гайды, командующего чешским корпусом, понимание, что его обязанность просто обеспечить продвижение эшелонов на восток? Посоветуйте ему никоим образом не отклоняться от инструкций, полученных от французского и американского консулов, и помнить вполне определенные предписания, данные профессором Масариком».

В 20:00 3 июня обе стороны встретились на железной дороге и провели переговоры в вагоне полковника Эмерсона. 4 июня в 3:00 было подписано шестидневное перемирие, применительно к Мариинску. 4 июня полковник Эмерсон и майор Слотер отправили генеральному консулу Харрису в Иркутск сообщение, в котором, в частности, писали: «Теперь чешские и советские представители пришли наконец к соглашению, обеспечивающему продвижение чехов на восток. Советы согласились разрешить чехам следовать в полном вооружении. Белогвардейцы в Ново-Николаевске, Томске и Мариинске используют эту ситуацию, чтобы вооружиться и взять перечисленные города под свой контроль. До своего отъезда чехи отказываются возвращать Советам

власть в этих городах».

Вечером 5 июня поезд полковника Эмерсона прибыл в Ново-Николаевск. Он провел встречу с чешским командующим генералом Гайдой, двумя его заместителями и американским консулом Реем. Перед началом встречи возник небольшой спор в отношении полномочий полковника Эмерсона, но он сохранял спокойствие и еще раз объяснил, почему ему пришлось вмешаться в проблемы, возникшие у чехов с Советами. На встрече американский консул задал ему вопрос, когда начались столкновения между чехами и Советами в Иркутске. Полковник Эмерсон сказал, что это была часть согласованных действий чехов с целью занять города, в которых находились чешские эшелоны. Чешский командующий ответил: «Неделю назад, 28 мая».

Полковнику Эмерсону позвонил представитель нового белогвардейского правительства и сказал следующее: «Около двух недель назад я звонил в Вологду послу Френсису и сообщил ему, что новое правительство связано с Временным сибирским правительством, сформированным в Харбине и возглавляемым господином Остроговым, и что его проинформировали о признании этого правительства союзниками».

После того как полковник Эмерсон отбыл из Ново-Николаевска, он получил сообщение от генерального консула Харриса, где тот выразил желание видеть полковника на финальных переговорах о мире, которые предполагалось про-

вести в Омске. Чехи предлагали провести переговоры в Кургане вместо Омска. Полковник Эмерсон остановился в Кургане, где 8-го числа к нему присоединился генеральный консул Харрис. Вечером 8-го числа мистер Харрис встретился с чешскими представителями.

В самом начале встречи чешский капитан Кризек спросил мистера Харриса, что тот думает по поводу нового правительства. Мистер Харрис ответил: «Когда я уезжал из Иркутска, там не было известно ни о каких действиях контрреволюционеров. Моя миссия состоит только в том, чтобы быть посредником между чехами и большевиками. Моя миссия не имеет никакого отношения к политической борьбе в России между большевиками и контрреволюционерами... Президент Соединенных Штатов издал специальное предписание для всех официальных представителей США в России никаким образом не влиять, не признавать и не поддерживать никаких группировок или противоборствующих движений в Сибири».

Последнее заявление генерального консула Харриса очень важно для установления правды о том, что американские войска в Сибири использовались в соответствии с пожеланиями президента Соединенных Штатов. Прочтение данных мне предписаний, о которых я упоминал ранее, показывает, что по смыслу они ничем не отличались от тех, которые, по словам генерального консула Харриса, были даны всем представителям Соединенных Штатов в Сибири, и на

протяжении всего моего пребывания в Сибири ни одно слово этих предписаний не было изменено.

Как только генеральному консулу Харрису сообщили о контрреволюционных выступлениях против Советов во всех городах, занятых чешскими отрядами, он отказался действовать как посредник и прекратил участвовать в любых встречах. В оправдание своих действий он снова повторил инструкции, полученные от президента Соединенных Штатов.

Полковник Эмерсон продолжил свои попытки добратся до Вологды и 13 июня прибыл в Челябинск, где обнаружил большое число чешских солдат и где он встретился с майором французской армии Гинэ. Ему сообщили о возникших к западу от Челябинска проблемах с движением поездов, и он прибыл в Миасс только 16 июня, где выяснилось, что дальнейшее продвижение на запад не представляется возможным. 23 июня он получил от майора Гинэ, уехавшего в Омск, следующее: «Французский посол уведомил коменданта Гинэ, что он может поблагодарить чехословаков за их действия от имени всех участников Тройственного союза. В июне они (союзники) приняли решение вмешаться и сформировать из чехословацкой армии и французской миссии передовой отряд армии союзников. Ниже следуют рекомендации в отношении его организации и предназначения с политической и военной точек зрения».

У меня нет информации о том, какого «французского посла» имел в виду майор Гинэ, но, вероятно, речь шла о

французском после в России.

25 июня полковник Эмерсон заявил: «Майор Гинэ посетил нас и, показав сообщение, касавшееся вмешательства союзников, сказал, что ему достаточно этого, чтобы начать действовать». Он предложил нам взять на себя операционное управление железной дорогой. Полковника Эмерсона и его группу очень обеспокоила достоверность той части сообщения французского посла, где говорилось, что оно написано «от имени всех участников Тройственного союза», поэтому 26-го они вернулись в Омск. Первую информацию полковник Эмерсон получил в Омске 13 июля от чешского командующего Гайды из Иркутска, который сообщил, что ведет бои по захвату этого города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.